

ИЛЬЯ ДЕМЕНТЬЕВ*

ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА

Козлов С. Л. Имплантация : очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-230-249.

В центре внимания новой книги Сергея Леонидовича Козлова — интеллектуальная история Франции второй половины XIX — начала XX века. Эта работа выходит за дисциплинарные границы, чем особенно интересна: в конечном счете в ней показано, «как возникла великая французская гуманитарная наука XX столетия» (Козлов, 2020: 263). Автору «Имплантации» удалось представить замечательный синтез макро- и микроисторического подходов, когда общий взгляд на истоки *великой гуманитарной науки* совмещается с ненавязчивым погружением в детали, в отдельные сюжеты политической истории и истории идей, в нюансы биографий как знаменитых, так и малоизвестных участников этих историй.

Слово, которое не раз придет на ум читателю даже при пролистывании книги С. Л. Козлова, — *тщательность*. Ларошфуко заметил, что «преувеличенная тонкость ведет к пустой щепетильности; только в истинной щепетильности скрыта настоящая тонкость» (Ларошфуко, Линецкая, 1971: 160). Именно щепетильность, ответственное отношение ко всему: к высказыванию, к оформлению ссылок, к характеру использования источников — отличает «Имплантацию». Можно было бы цитировать «Апологию истории» Марка Блока по переводам советского времени, как это делают многие авторы, но С. Л. Козлов обращается к новейшему критическому изданию на французском. Собственно, он, как и положено профессионалу, каждый раз сверяет русские переводы с оригиналами, подчас выявляя досадные ошибки предшественников.

* Дементьев Илья Олегович, к. ист. н., доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград), Idementev@kantiana.ru, ORCID: 0000-0001-5530-1108.

** © Дементьев, И. О. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Например, в эпилоге «Имплантиации» автор цитирует Эрнеста Ренана, рассуждавшего в 1890 году о будущем гуманитарных наук: «...конец пути уже виден. За сто ближайших лет человечество узнает почти все, что оно только может узнать о своем прошлом» (Козлов, 2020: 437). Тут же С. Л. Козлов меланхолично замечает, что в предыдущем издании «пассаж переведен с точностью до наоборот». Так и есть — в дореволюционном переводе об историко-филологических науках сказано так: «И все еще им не видно конца» (Ренан, Михайлов, 1902-1903: 1-ая паг.:10).

В другом месте С.Л. Козлов уточняет перевод максимы Ларошфуко, известный на русском языке в варианте, предложенном Э. Л. Линецкой, которая трактует *le vrai honnête homme* как *истинно благородного человека*; автор «Имплантиации» обосновывает другой вариант — *человек истинно приличный* (Козлов, 2020: 77). «Приличные люди» — это вообще важный концепт в рецензируемой книге. С. Л. Козлов анализирует габитус «человека приличного» как человека светского — этот идеал, утвердивший свою культурную гегемонию еще в XVII веке, все еще играл важную роль во французской интеллектуальной истории XIX столетия.

Еще пример: С. Л. Козлов скрупулезно изучает ежегодники Четвертого отделения Практической школы высших исследований за 1868–1879 годы (там же: 369–372), выискивая в них «экзотические» фамилии. Этот метод позволяет оценить степень заинтересованности иностранных студентов в обучении в ПШВИ. Попутно автор педантично отмечает неточности в расшифровках фамилий — сама по себе эта работа над ошибками, осуществленная через полтора столетия, вызывает восхищение. Однако уточнение данных о безвестных русских, чилийских или румынских студентах — это не частный случай игры в бисер. С. Л. Козлов старается показать, что международный интерес к этому учебному заведению в описанный период последовательно нарастал; в то же время исследование «пятого пункта» в Четвертом отделении обнаруживает aberrацию памяти мемуаристов, которые утверждали, что с момента основания Школу «посещали главным образом иностранцы» (там же: 372). Подсчеты С. Л. Козлова опровергают это утверждение.

Словом, читать книгу «Имплантиация» — одно удовольствие хотя бы по той причине, что ее автор демонстрирует лучшие качества современного гуманитария-профессионала: он одновременно удовлетворяет ожидания взыскующих оригинального обобщающего взгляда на интересный, пусть и знакомый хоть в какой-то степени объект, и тех, кто имеет вкус к микроскопическому рассмотрению деталей, долго не привлекавших ничьего внимания и оттого особенно занимательных.

При всем многообразии тем «Имплантации» два основных — притом взаимосвязанных — вопроса таковы: когда начинается «онаучивание» гуманитарного (историко-филологического) знания во Франции и какова роль «немецкого фактора» в этом процессе. В принципе на эти вопросы отвечали и прежде. Например, Жорж Гюсдорф (1912–2000), которого, впрочем, С. Л. Козлов не включил в свою библиографию, больше полувека назад пришел к выводу, что немецкое влияние в сциентизации гуманитарных наук во Франции начало сказываться только при Наполеоне III — прежде всего благодаря Ипполиту Тэну и Эрнесту Ренану (Gusdorf, 1960: 415). Луи Рейно (1876–1947), близкий к французским правым германист, выпустил в 1922 году книгу «Немецкое влияние во Франции в XVIII и XIX веках» (она, кстати, также отсутствует в библиографии к «Имплантации»), в которой с легкой грустью констатировал, что Германия как никакая другая страна сильно повлияла на моральное, интеллектуальное и политическое развитие Франции за последние полтора столетия (Reynaud, 1922: 7). Рейно также показал крайне важную роль Ренана в этом процессе — последний изображен как достаточно ловкий посредник, сумевший перенести на родную почву специфически немецкие концепции, чуждые французскому духу (*ibid.*: 250–251). Клод Дижон в книге с характерным названием «Немецкий кризис французской мысли, 1870–1914» (1957) интерпретирует немецкое влияние после поражения при Седане как решающее для французской мысли (Digeon, 1992). Мишель Эспань все XIX столетие называет «немецким веком в истории французской интеллектуальной жизни» (Espagne, 2005: 12).

Словом, экстраординарный характер «немецкого фактора» не секрет, и С. Л. Козлов пишет о том же: как имплантировались во французскую университетскую и академическую систему немецкие идеи, которые в первую очередь и позволили придать гуманитарному знанию научный статус. Следы сумрачного германского гения — всюду: вот Виктор Кузен, вернувшись из немецкой командировки домой, с энтузиазмом пропагандирует Гегеля; вот потрясенный Ренан перечитывает книгу мадам де Сталь о Германии; вот Теодор Моммзен на приеме у Наполеона III несколько бестактно удивляется отставанию французских университетов от немецких. Книга С. Л. Козлова — новаторская, но не потому, что открывает какой-то новый материк на планете интеллектуальной истории. Она обобщает колоссальный материал, касающийся франко-германских контактов, и выстраивает ретроспективу, в которой успех французской науки детерминирован победой тех сил, которые

выступали за усвоение немецкого опыта. Такой слегка телеологический взгляд примечателен, потому что дополняет привычную картину, в которой франко-германское взаимодействие редуцировано к серии военных поражений, нанесенных восточным соседом западному. Триумфом своей гуманитарной науки французы оказались обязаны немцам — эта история слишком иронична, чтобы не быть привлекательной.

В сборнике — пять глав-очерков (не считая предисловия, эпилога и нескольких приложений). В них автор наглядно показывает многообразие своих амплуа, выступая каждый раз в новой роли. В первой главе, лаконично озаглавленной «Матрица», сформулирован общий концептуальный подход к проблематике книги. Здесь С. Л. Козлов предстает как вдумчивый теоретик культуры. Он характеризует «неподвижное устройство французской культуры» (Козлов, 2020: 40), восходящее к средневековым структурам, в рамках которых производилось знание. Коллежи иезуитов, по С. Л. Козлову, стали той формой, в которой сложился специфический габитус применительно к историко-филологическому знанию. Этот габитус воспроизводился с поразительной устойчивостью на протяжении столетий — в том числе в форме комплекса правил «человека приличного», в которые входило прочно усвоенное «риторическое отношение к историко-филологическому знанию» (там же: 79). Именно этот габитус в XIX веке стал главным препятствием профессионализации и онаучиванию этого знания — с таким препятствием предстояло бороться тем французским интеллектуалам, которые проявили достаточную прозорливость, чтобы разглядеть новые перспективы по другую сторону Рейна. Конфликт ученого-гуманитария и «человека приличного» не был изжит и в первой половине XX столетия. Сквозь призму этого конфликта С. Л. Козлов и рассматривает историю становления великой французской гуманитарной науки.

Во второй главе «Мечта об университетской реформе» С. Л. Козлов — уже исследователь, работающий в сфере университетской истории. Он кратко рассматривает предысторию — наполеоновскую реформу высшей школы, ее ревизию на следующих этапах, в том числе нереализованные проекты (например, инициативу Поля Руайе-Коллара и Франсуа Гизо в 1815 году). Научное знание во Франции развивалось по разным траекториям: не только в рамках университетской системы, но и в обход ее. Неформальные сети интеллектуалов успешно конкурировали с университетами, а влияние монархии и церкви предопределяло сложную расстановку сил. К внутренним факторам постепенно добавился внешний: если в проекте 1815 года «немецкий след» практически не

просматривается, то уже следующий заход реформаторов — доклад Виктора Кузена в 1831 году — был прямо обусловлен поездкой его автора в Германию для знакомства с чужим опытом и выработки рекомендаций по совершенствованию отечественных институтов. Кузен именно в этом докладе «впервые публично сформулировал запрос на систему высшего образования, подчиненную целям развития науки» (Козлов, 2020: 136). Хотя доклад не имел практических последствий, самые важные идеи с немецким акцентом уже проникли на французскую почву: историю и филологию теперь можно было рассматривать не как формы «учености», а как науки; университеты — как «машину, производящую научное знание» (там же: 143). «Ничтожное меньшинство» — так определяет С. Л. Козлов узкий круг проводников немецкого взгляда на функции университетов и гуманитарного знания; новые подходы были совершенно чужды французской культурной традиции.

В этой главе охарактеризованы баталии сторонников и противников университетских реформ. Важно, что в ходе этих дискуссий представления новаторов укоренялись в публичном пространстве — так готовилась почва для институциональных преобразований. Парадокс, который, кажется, С. Л. Козлов не формулирует эксплицитно, но который не может не прийти на ум внимательному читателю: ведь именно «риторическое отношение» создало среду, в которой долго, но плодотворно обсуждались ключевые проблемы гуманитарного знания. Иными словами, те установки, которые описываются как чуждые французской культурной традиции, оказались в конечном счете усвоены отчасти благодаря тому, что для этой традиции было и привычным, и приличным все обсуждать.

Третья глава «Эрнест Ренан: филология как идеология» посвящена ключевой фигуре в истории французской гуманитарной мысли XIX века. Здесь С. Л. Козлов предлагает читателю небольшую, но крайне содержательную интеллектуальную биографию Ренана, который представлен и как яркий персонаж французской интеллектуальной сцены, и как «сиамский близнец» Ипполита Тэна. С. Л. Козлова интересуют не только сходства, но и различия между двумя титанами — прежде всего дисциплинарные (аттестация Ренана как филолога и Тэна как философа предопределила разницу в позднейшей рецепции их наследия). Другая оппозиция, которую кратко, но внятно анализирует С. Л. Козлов, — Ренан и Конт.

Основной тезис главы — о Ренане как создателе идеологии историко-филологических наук во Франции, идеологе единого гуманитарного знания (там же: 180–181). Эта оценка вырастает из внимательного

рассмотрения духовной эволюции Ренана — в частности, его религиозного кризиса. Преодолеть кризис помогло погружение в немецкую культуру, осуществленное через чтение книги мадам де Сталь «О Германии». С. Л. Козлов методично реконструирует процесс отторжения французской культурной традиции у Ренана (неприятие роли салонов, централизм культурной модели и т. д.). В конечном счете Ренан приходит к мысли об автономии научного знания — именно поэтому автор «Имплантиации» награждает его титулом идеолога. Замечу мимоходом, что такое определение мне не кажется удачным прежде всего в силу того, что во французской традиции слово *идеолог* прочно ассоциируется со школой Антуана Дестютта де Траси и его коллег, а в российской — все еще с «ложным сознанием» (Ф. Энгельс). Может быть, с учетом этих столь разных коннотаций для Ренана стоило бы подобрать другую, более нейтральную, характеристику — например, теоретик?

Скруплезный анализ того, как взаимосвязанные процессы отторжения французской и усвоения немецкой культурной модели Ренаном определили его идентичность, — это один из лучших фрагментов рецензируемой книги. Ренан, выстраивая классификацию наук, ввел понятие гуманитарных наук как наук о человечестве, и его интеллектуальные поиски стали важной главой в науковедении Нового времени. В конце главы С. Л. Козлов описывает значение программы Ренана в долгосрочной перспективе развития французской науки: религиоведения, сравнительно-исторической лингвистики, филологии и фольклористики.

Четвертая глава «Как была создана Практическая школа высших исследований» дает автору возможность представить результаты институционального анализа с элементами просопографии. Кроме того, в ней С. Л. Козлов выдвигает предположение о том, что возникновение «великой науки» во Франции произошло благодаря работе двух механизмов. Первый он называет «институциональным шунтированием» (Козлов, 2020: 273), суть которого — в построении байпасов, обходных путей: «...все производство новаторского знания шло [...] в обход университета» (там же). Второй механизм, впервые на французском материале описанный Дж. Бен-Дэвидом, — «вертикальный сговор» — эффективное сложение усилий разных акторов «сверху» и «снизу» (там же: 274). Комбинация инициатив отдельных продвинутых администраторов и научных «антрепренеров» образовывала специфический тип реформаторских действий, который, впрочем, как доказывает С. Л. Козлов, не

был присущ только французской традиции. Вставная «новелла», посвященная казусу вертикального сговора вокруг технологических новаций ленинградского объединения «Океанприбор» в 1970-х годах (Козлов, 2020: 276–279), немного выбивается из общих рамок тематики книги, но удачно вписывает российский (советский) опыт в анализ французских механизмов реформаторской деятельности.

Вертикальный сговор на французском примере проиллюстрирован описанной автором сетью «реформаторского лобби» вокруг Наполеона III, в которую входили мадам Корню, Альфред Мори, Леон Ренье, Виктор Дюрюи. Эта «микроредакция» позволяет С. Л. Козлову прийти к важному выводу: «...инициативы по переориентации высшего образования на исследовательскую работу исходили отнюдь не из среды естествоиспытателей» (там же: 321), именно гуманитарии оказались в авангарде — и вертикальный сговор помог осуществить эту переориентацию.

Деятельность реформаторов привела к тому, что Практическая школа высших исследований надолго стала «долговечным очагом научных инноваций в сфере гуманитарного знания во Франции» (там же: 356). Просопографическое исследование, в ходе которого С. Л. Козлов выявляет иностранных студентов школы, позволило ему выделить важнейший элемент, «который с большой регулярностью заявляет о себе в узловых моментах истории ПШВИ» (там же: 366–367), — ориентацию на мнение заграницы. Новый парадокс — французская гуманитарная наука лишь тогда получила шанс стать суверенной областью знания в рамках национальной традиции, когда избрала зарубежное академическое сообщество в качестве точки опоры для себя.

В пятой главе «Историческая наука и „приличные люди“: материалы для комментария к „Апологии истории“» С. Л. Козлов предстает как специалист по историографическому анализу. Интеллектуальная история для него — это не только глобальные концепции, но и напряженная герменевтическая работа, обнаруживающая, что несколько внешне незначительных строк могут прояснить — и, что не менее значимо, поставить! — важные вопросы. И по методу, и даже по содержанию эта глава немного выбивается из общего ряда. Развернутый комментарий к некоторым пассажам из знаменитой книги Марка Блока дает автору возможность затронуть несколько серьезнейших проблем в развитии французской гуманитарной науки в первой половине XX века. К сожалению, эта глава невелика по объему, поэтому для нее характерна некоторая фрагментарность, но и представленные фрагменты содержат

значительное количество поводов для рефлексии. С. Л. Козлов пишет о «подчеркнуто невоинственном» стиле Блока в «Апологии истории»; о значении дела Дрейфуса в поляризации политической жизни страны и в связи с этим — в полемике сциентистов и их оппонентов; о роли Эмиля Дюркгейма в формировании идеологической базы образовательных реформ; о программном требовании Анри Берра в отношении истории как обобщающей науки; о совместной борьбе Марка Блока и Люсьена Февра против статических бинарных оппозиций в историческом анализе, а также о разногласиях между ними по поводу трактовки эрудиции (первый различал «хорошую» и «плохую» эрудицию, второй отвергал ее в принципе); о том, наконец, почему борьба «анналистов» против позитивистской историографии оказалась продуктивной, а праворадикальные критики позитивизма («Action française») «не смогли выработать ничего плодотворного» (Козлов, 2020: 435). Обо всем этом, конечно, невозможно достаточно подробно высказаться на 48 страницах, которые занимает эта глава. С. Л. Козлов здесь, скорее, заявляет программу дальнейших исследований противоречивого процесса становления новаторской гуманитарной науки во Франции периода возвышения школы «Анналов».

В эпилоге С. Л. Козлов говорит о последующей судьбе историко-филологических наук. В конечном счете замечательные научные труды французских гуманитариев не утрачивают значения: «Эти работы стали реальностью благодаря имплантации институтов, которая была, несмотря на многочисленные трудности, успешно осуществлена во Франции на протяжении второй половины XIX — первой половины XX века» (там же: 450). Даже если этот успех оказался в политическом смысле неудачей, поскольку не смог кардинально изменить систему высшего образования и государственных академий, он «открыл гуманитарным наукам во Франции достаточный простор для обновления и развития, и это развитие до сих пор не перестает приносить свои плоды» (там же).

Приложения к книге иллюстрируют ход рассуждений во второй и четвертой главах: это декрет Наполеона I о создании университета (1808), доклад министра образования Виктора Дюрюи Наполеону III о создании Практической школы высших исследований (1868) и подборка свидетельств о начале становления ПШВИ.

Невозможно, не впадая в грех Пьера Менара, рассмотреть в рецензии все разнообразные проблемы, которым уделяет внимание автор «Имплантации». Этот труд, содержательный и превосходно написанный,

вносит весомый вклад в обновление отечественного гуманитарного ландшафта. Вместе с тем, как всякое качественное исследование, «Имплантация» вызывает вопросы, пробуждает критическую мысль, заставляет пересмотреть привычные представления об обсуждаемых проблемах.

У меня все же вызывает сомнения название книги. С. Л. Козлов поясняет смысл своей метафоры: «С одной стороны, речь идет о разработке и внедрении в социальную ткань новых институтов, призванных внести в жизнь общества некие нормы и ценности, уже функционирующие на уровне международном, но до сих пор не реализовавшиеся на национальном уровне данной страны» (Козлов, 2020: 13), с другой — «о межкультурных, межстрановых заимствованиях, о культурном импорте, происходящем по оси Франция — Германия» (там же: 14). В контексте авторских рассуждений имплантация предстает как имплементация и одновременно культурный трансфер. Наверное, использовать такую метафору вполне можно, но необходимо учесть, что в ряду медицинских терминов, к которому принадлежит имплантация, есть еще один, близкий по значению, — трансплантация. Несмотря на то что в современном языке термин «имплантация» применяется далеко не только в медицине (также, например, в материаловедении), изначальная разница между двумя понятиями носит совершенно определенный характер: трансплантация — это процесс пересадки биомедицинских тканей или органов, а имплантация — это вживление в ткани неорганических материалов (Krstić, Forster, 1985: 12). Тот культурный трансфер, который описывает С. Л. Козлов в своей книге, — это все же заимствование норм и ценностей (в случае с научностью гуманитарного знания) или институтов (университетская модель), которые трудно признать абсолютно неорганичными для французской культуры. Импорт структур и концептов позволил переопределить некоторые смыслы во французской системе высшего образования и академической науки, но этот процесс все же больше похож на пересадку биологически родственных объектов, нежели на вживление чужеродных материалов. Исходя из этого, книге больше подошло бы название «Трансплантация», которое отразило бы идею глубинного родства гуманитариев поверх границ между национальными культурами. Тем более что понятие *генеалогии*, которое С. Л. Козлов использует в подзаголовке книги в фукольдианском смысле, с точки зрения точности метафоры также ближе к трансплантации, чем к имплантации.

Чтобы оценить характер импорта немецких норм и ценностей в жизнь французских гуманитариев, желательно представить фон — охарактеризовать атмосферу, в которой происходил этот трансфер. Фону в книге, однако, уделено меньше внимания по сравнению с ключевыми фигурами. Между тем отношение к немецкому историко-филологическому знанию в разных кругах, естественно, не было одинаковым. Возможно, рассмотрение общей атмосферы наряду с анализом частных случаев «импортеров» позволило бы точнее воссоздать диалектику франко-германских интеллектуальных связей, ведь модельный характер немецкого гуманитарного знания далеко не для всех был очевиден, причем не только во Франции, но и в ближайших к ней странах, испытывавших влияние обоих участников обсуждаемого трансфера. Приведу лишь два примера, которые могли бы спровоцировать компаративный анализ в рамках транснациональной истории идей.

Рейнхарт Дози (1820–1883), нидерландский востоковед, публиковавшийся в Лейдене и на немецком, и на французском, в 1850 году сравнивал историков двух типов — французского и немецкого: «Почему второй всегда стоит ниже первого, даже если оба работают с равной производительностью? Один ответ: потому что немцам часто не хватает рассудительности и вкуса» (цит. по Paul, 2012: 399). Дози упрекал немецких ученых в чрезмерном увлечении сносками, противопоставляя им таких великих французов, как Франсуа Гизо или Огюстен Тьерри. Последние были наделены в должной мере и критичностью ума, и воображением, и литературными талантами.

Через полвека дело обстояло еще хуже: бельгийский медиевист, ученик Анри Пиренна Виктор Фрис (1877–1925) опубликовал в 1906 году разгромную рецензию на докторскую диссертацию Феликса Водзака (1874–1931) о битве при Куртре (1302), успешно защищенную годом ранее, между прочим, в Университете Фридриха Вильгельма в Берлине в присутствии референтов, одним из которых был знаменитый Ганс Дельбрюк. Фрис начинал свою рецензию так: «Вот одна из самых жалких (*misérables*) докторских диссертаций по философии, которые увидели свет за последнее время, — известно, насколько они многочисленны в Германии в течение уже десяти лет. В ней собраны фактически все возможные ошибки с точки зрения информированности [автора], методологии и точности» (Fris, 1906: 242–243). С подлинно немецкой дотошностью перечислив дефекты работы, коим несть числа, рецензент завершал текст приговором всей немецкой науке: «Диссертация г-на В[одзака] иллюстрирует прискорбный симптом научного упадка

(*décadence*) в Германии за последнее десятилетие; почти все немецкие диссертации в настоящее время дают образец абсолютного недостатка подготовленности, критичности и общих знаний у молодых докторов. Большая часть работ нового поколения особенно страдает от глубокого неведения в отношении трудов, появившихся за рубежом, тогда как именно сочинения старой немецкой исторической школы отличались поразительной библиографической осведомленностью. Большинство из этих диссертаций, впрочем, суть лишь пересказы известных сочинений: типичный пример этого — та, которую мы только что рассмотрели» (Fris, 1906: 246).

Даже в странах, по территории которых, условно говоря, шел транзит ценностей в направлении Парижа, не было консенсуса в отношении превосходства немецкого знания. Что уж говорить о самой Франции! В книге С. Л. Козлова, на мой взгляд, недостает систематического обзора деятельности оппонентов «германофилов». Конечно, автор иногда обращается к этому вопросу: так, красноречиво описано снижение научной продуктивности Г. Буасье и Н. Д. Фюстеля де Куланжа вследствие их удаленности «от стандартов немецкой научной монографии» (Козлов, 2020: 327), но все же эти характеристики как бы вторичны, вроде заметок на полях. Нет и оценки обратного влияния, как будто направленность взаимодействия французов и немцев была односторонней. Скажем, упомянутый в «Имплантации» Эжен Бюрнуф (1801–1852), выдающийся санскритолог, был учителем индологов Макса Мюллера (1823–1900) и Рудольфа Рота (1821–1895). С. Л. Козлов говорит о том, что «Мюллер, хотя и провел основную часть жизни в Англии, был вскормлен немецкой культурой» (там же: 263), однако, замечу, в процессе его вскармливания нашлось место и «острому галльскому смыслу». Стажировки французских ученых в немецких университетах (в 1870–1880-х годах) попали в фокус внимания автора, но не достойны ли исследования и стажировки немцев во Франции?..

Вообще, феномен франко-германских ученых заслуживает отдельного изучения в контексте обсуждаемой темы. С. Л. Козлов говорит об этом немного, упомянув, в частности, роль социокультурных меньшинств (протестантов и эльзасско-лотарингских евреев) в культурном импорте из Германии во Францию (там же: 394). Эльзасский феномен действительно нуждается в более тщательном рассмотрении: социолог и психолог Морис (X)альбвакс (1877–1945), возможно, самый известный, но не единственный представитель этой билингвальной среды.

Однако в число франко-германских ученых входят специалисты с самым разным бэкграундом: эллинист Карл Бенедикт (Шарль Бенуа) Газе (1780–1864) или упомянутый мимоходом (Козлов, 2020: 361) востоковед Юлиус (Жюль) Опперт (1825–1905) — вот настоящие агенты трансплантации немецких ценностей в живой организм французского гуманитарного знания!

Немецкое влияние на гуманитарные науки во Франции было многообразным, и потенциал этой темы далеко не исчерпан. Вот лишь некоторые из возможных линий рассуждения. Во-первых, это вышеупомянутые «идеологи», которым в «Имплантиации» уделено слишком мало внимания: отмечена деятельность Дестютта де Траси в Классе моральных и политических наук, ликвидированном Наполеоном в 1803 году (там же: 96–97). С. Л. Козлов говорит об этом эпизоде как о неудачной попытке обеспечить автономизацию философского знания, в рамках которого могло получить свою автономию знание историко-философское. Институциональное поражение замедлило этот процесс. Почему-то этот сюжет не анализируется достаточно подробно, хотя у «идеологов» тоже можно обнаружить следы немецкого влияния: прежде всего они тщательно изучали философию Иммануила Канта. Конечно, эти первые опыты трансфера немецких понятий на французскую почву несли на себе легкий налет дилетантизма: Дестютт де Траси, скажем, читал Канта на латыни, потому что не знал немецкого (Picavet, 1891: 295); эта любопытная деталь отзовется эхом в беседах Гегеля и Виктора Кузена, которые велись на французском, — как шутил Г. Гейне, в противном случае Кузен с его уровнем немецкого языка был бы в Германии «глухонемым» (см. об этом: Курилович, 2019: 25–26). Были, разумеется, и те, кто читал по-немецки, как, например, Пьер-Жан-Жорж Кабанис (1757–1808), а Жозеф-Мари Дежерандо (1772–1842) вообще обучался в Тюбингенском университете (Picavet, 1891: 506; Reynaud, 1922: 88). Если бы в «Имплантиации» нашли отражение эти сюжеты, общая картина немецкого влияния на суверенизацию гуманитарного знания во Франции была бы более полной.

С. Л. Козлов акцентирует внимание на том, что немецкая культурная модель была чужда французским традициям. Однако действительно ли такая бинарная модель представляет собой единственно возможную интерпретативную рамку? Если вновь обратиться к компаративному анализу, полезным будет проследить параллельно изменения, произведенные германской наукой в британском (и почти сразу же — в американском) гуманитарном знании. Филология туманного Альбиона

в свою очередь получила кольцо нибелунга: философия И. Г. Гердера и И. Канта при посредничестве С. Т. Кольриджа, английский перевод «О Германии» Жермены де Сталь и работ Ф. Шлегеля — импорт шел примерно по тем же каналам, что и во Франции. Джеймс Тёрнер отмечает, что успех немецких идей был связан с тем, что они резонировали с доморощенными понятиями, особенно теми, которые были выработаны шотландским Просвещением (Turner, 2014: 158–161). Сциентизация филологического знания в англосаксонском мире происходила во многом под тем же немецким влиянием, и сопоставление британского и французского опытов рецепции немецкой культурной модели позволило бы уточнить степень оригинальности отдельных национальных сценариев. В конце концов англо-американская гуманитарная наука XX века также имела некоторые признаки величия, так что в Германии можно обнаружить источник обновления не только французской, но всей западной гуманитарной науки.

Немецкое влияние на формирование новаторской модели гуманитарного знания во Франции также имеет смысл рассматривать в более общем контексте: культурные импульсы из Германии касались не только историко-филологических наук. Эккарт Пастор показал, как эти импульсы меняли французский язык, словарь которого начиная как раз с середины XIX века обогащался за счет заимствований из немецкого, причем речь не всегда шла об имплантации германских лексем в романский язык, но также о радикальном изменении значений привычных слов под немецким влиянием (Pastor, 1980). С одной стороны, этот процесс отражал ход научно-технического прогресса — заимствования терминологии в сфере естествознания и техники носили чисто утилитарный характер; с другой — новые мощные социокультурные течения детерминировали масштабные семантические изменения во французском. Пастор подразумевает здесь в первую очередь линию от Гегеля к Карлу Марксу и, далее, к Зигмунду Фрейду. Эта линия, обусловившая серьезные метаморфозы в тезаурусе французских гуманитариев, осталась практически за рамками концепции имплантации (Маркса вообще нет в именном указателе, а основатель психоанализа упомянут в книге один раз). Но не требует ли реконструкция истоков *великой гуманитарной науки* во Франции учета и этих факторов, существенно изменивших сам словарь этой науки? Позволю себе высказать предположение, что у этого семантического расследования могут быть интересные перспективы.

Заслуживает внимания и феномен революции 1848 года, осмысление которой точно совпадает с нижней хронологической границей изучаемого С. Л. Козловым периода истории французской науки. Лишь один любопытный пример: Алексис де Токвиль (1805–1859), который незадолго до смерти начал изучать немецкий язык и отправился в Германию в 1854 году в поисках ответов на вопросы о природе французского Старого порядка. Именно по ту сторону Рейна он нашел модель *Ancien régime*, описание которой легло в основу концепции его книги «Старый порядок и революция» (1856). Токвиль непосредственно познакомился с немецкой университетской системой в Бонне; там у него был широкий круг собеседников и именно там он внезапно осознал масштабность немецкой гуманитарной науки. Он признавался в письме Астольфу де Сиркуру от 27 июля 1854 года: «Немцы публикуют так много книг, что в этой массе находятся такие, которые точно отвечают тому, что я хочу знать» (цитирую по статье, в которой подробно обсуждается «немецкий опыт» Токвиля: Mélonio, 2018: 89). Несмотря на то что Токвиль не успел примкнуть к партии французских проводников немецкого влияния, в общей генеалогии *великой гуманитарной науки* он тоже занимает определенное место.

Еще один сюжет, который может оказаться перспективным, связан с пассажем из «Апологии истории» Марка Блока, который процитирован в «Имплантиции». Блок вспоминает поездку с Анри Пиренном в Стокгольм (Козлов, 2020: 430). Пиренн различает антиквара, которого привлекает только старина, и историка, который любит жизнь. Блок по этому поводу замечает, что эрудит, которому неинтересна современность, может быть назван «полезным антикваром» (пер. С. Л. Козлова). Этот фрагмент дает основание С. Л. Козлову реконструировать трехчленную концептуальную конструкцию Блока. Позиция французского историка оказывается противостоящей и «праздному педантизму» (поклонению сноскам), «и легкодоступной догматике „мнимой истории“» (от правых до вульгарного марксизма), которая поэтично называется «псевдоозарениями псевдоидеями» (там же: 434). Тяготение к трехчленности в контексте «Имплантиции» можно интерпретировать как вариант преодоления бинарных классификаций, которое автор книги ассоциирует как раз с основоположниками школы «Анналов».

Но нет ли основания усмотреть генеалогию этой конструкции в классификации видов истории у Фридриха Ницше? В знаменитом эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874) он выделяет три вида

истории: антикварную, монументальную и критическую. Само противопоставление антикварного подхода и подхода историка, то есть страсти к прошлому и влечения к настоящему, коренится в эссе Ницше, где также используется слово «антиквар» (во французских переводах Ницше — *antiquaire*). Трехчленная конструкция Блока, выделяющая проблемную и критичную историю как альтернативу педантизму и догматике, — это инвариант схемы Ницше, в которой критическая история служит иным целям, нежели антикварная и монументальная.

Мысль о соотношении истории и жизни, высказанная в «Апологии истории», по всей видимости, глубоко продумывалась Блоком и прежде, в том числе в контексте рефлексии над развитием немецкой историографии, что важно для реконструкции как системы понятий патриарха школы «Анналов», так и траекторий освоения немецкого опыта во Франции. В частности, в статье, посвященной Георгу фон Белову (1858–1927), Блок пишет, что «эрудиция фон Белова была огромной. Но она была ограниченной» (Bloch, 1931: 557). Занимаясь всю жизнь германской нацией и цивилизацией, Белов не проявлял особого интереса ко всему, что было за пределами его родины: «Он очень хорошо знал Германию, он достаточно плохо знал Европу» (*ibid.*: 558). Отдавая должное достоинствам творчества Белова, Блок тем не менее настаивал на том, что знание части требует знания целого, в данном случае — «западного мира». В этом тексте Блок также противопоставляет эрудита, знающего только свой регион или свою страну, и историка, который должен быть в научном плане «хорошим европейцем», к какой бы партии в политическом смысле он ни принадлежал. Диахронный аспект оппозиции эрудита и историка, как он представлен в «анекдоте» о Пиренне (эрудит живет прошлым, историк — настоящим), должен быть дополнен синхронным аспектом в статье памяти Белова (эрудит ограничен своей страной, историк смотрит на страну в более широком контексте). Это дополнение важно и по той причине, что в лице Блока и его сподвижников французское гуманитарное знание уверенно оказалось в такой позиции (как любит писать С. Л. Козлов, на высоте птичьего полета), с которой можно позволить себе не оглядываться на мнение немецкой классики, а уже предлагать ее анализ.

«Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы», — говорит Ларошфуко (Ларошфуко, Линецкая, 1971: 159). Наверное, обращение ко всем этим темам потребовало бы от автора «Имплантиации» написания новой книги. Тем не менее, на взгляд рецензента, решение поставленных

в книге проблем выглядело бы более убедительным, если бы автор детальнее воссоздал противоречивый контекст франко-германского взаимодействия. Бесспорно, все эти рекомендации были бы более уместными в случае монографии, а не сборника очерков, но пока такая монография не написана, приходится сетовать на то, что и без того внушительная по объему книга С. Л. Козлова не объяла необъятное.

Незначительные неточности в «Имплантации» касаются отдельных фактов. Так, например, С. Л. Козлов полагает, что термин *mentalité* был неведом Ренану в 1848 г., потому что «первое отмеченное словарями употребление» этого термина относится к 1877 г. (Козлов, 2020: 238). В действительности впервые в словаре термин появляется в 1842 г. в значении ментального состояния («état, qualité de ce qui est mental») (Richard de Radonvilliers, 1842: 320). Во втором издании этого «словаря новых слов» (1845) отмечалось, что слово «менталитет» имеет оттенок значения убежденности, искренности (Richard de Radonvilliers, 1845: 423), и, хотя это еще не концепт Л. Леви-Брюля, термин как таковой уже мог быть известен Ренану. Позднейшие исследователи полагали, что Ришар де Радонвилье образовал это слово от английского *mentality* (Journet and Robert, 1970: 1250).

Доказывая, что Тэн и Ренан — очень близкие друг к другу авторы, С. Л. Козлов прибегает к разным аргументам, один из которых сомнителен. «Не существует ни собрания сочинений Тэна (не говоря уж о полном собрании сочинений), ни общества Ипполита Тэна, — пишет автор „Имплантации“. — Набрав в „Гугле“ словосочетания „Hippolyte Taine œuvres complètes“ или „Société Hippolyte Taine“, мы получаем в первую очередь ссылки на „Ernest Renan œuvres complètes“ или же, соответственно, на „Société Ernest Renan“» (Козлов, 2020: 171).

Боюсь, это не так: дело в принципах контекстного поиска. Вероятно, автор набирал в поисковике то Тэна, то Ренана, и искусственный интеллект любезно предложил Ренана в тех случаях, когда запросы касались Тэна, лишённого собрания сочинений и общества своего имени. Автор настоящей рецензии проэкспериментировал в разных браузерах, включая *Google* в режиме инкогнито, и не получил при запросах относительно Тэна ссылок на Ренана — за единственным исключением: электронной версии книги «Имплантация» в *Google Books*.

С. Л. Козлов неоднократно оперирует понятием «Великая французская революция», которое привычно для отечественного читателя, воспитанного на терминологии советской историографии. Конечно, выбор

названия — это дело вкуса, но из контекста можно понять, что это выражение заимствовано у цитируемых С. Л. Козловым авторов. Однако это не так — ни А. Хиршман (Козлов, 2020: 37), ни Э. Ренан (там же: 38) не использовали это словосочетание, ограничиваясь «Французской революцией» или просто «Революцией».

Есть также ряд технических замечаний, адресованных тем, кто готовил книгу к печати. Вообще-то, текст отредактирован неплохо, в книге минимальное количество опечаток, немногочисленны и недостатки редактуры — как, например, в случае употребления выражения «религиозные ордена» (там же) вместо «религиозные ордены». На с. 104 внезапно приводится точная датировка, которая вызывает недоумение: «...понятие моральных и политических наук вот уже 177 лет как встроено в организационную матрицу Французского Института...» (там же: 104–105). Если вести отсчет с 1832 года, когда была воссоздана Академия моральных и политических наук, то этот текст актуален для 2009 года; если отталкиваться от года издания книги, то нужно объяснить, что случилось с организационной матрицей в 1843 году.

Книга снабжена очень полезным предметным указателем, а также указателем именованным. Как известно, главные требования к индексам в книге — полнота и точность представленных в них сведений. Увы, именной указатель к «Имплантиции» далек от совершенства. Для некоторых включенных в него персонажей даны не все страницы: например, отмечено, что Токвиль упоминается только на с. 272, хотя на самом деле и на с. 37; у Бурдьё пропущена с. 269, у Гегеля — с. 223 и 230 и т. д. Наоборот, Огюст Конт упоминается не на всех указанных для него страницах (например, на с. 198 есть Кант, но Конта нет), а в нумерации вообще нарушен порядок: 223 — 225, 266, 228, 233, 234, 237, 239. Наконец, есть персонажи, которым вообще не нашлось места в именованном указателе, как, например, Артюр Гобино (с. 227) или Эмиль Золя (с. 405). На с. 198 упоминается Шлегель — эта страница не фигурирует в именованном указателе, где, между прочим, есть два Шлегеля — Август Вильгельм и Фридрих. Местами нарушен и алфавит: Амьон идет раньше Ампера (с. 557); после ряда из четырех фамилий на «Ку» (от В. Кузена до Э. Курциуса) внезапно появляется Ксенофонт (с. 564). К именованному указателю есть и другие претензии, но их будет легко устранить при переиздании книги, которое, вне всякого сомнения, понадобится.

Сергей Леонидович Козлов написал очень интересную книгу о факторах формирования великой французской гуманитарной науки XX столетия. Особенно важно, что такая книга появилась именно на русском языке.

ке: тема импорта чужих норм и ценностей актуальна для отечественной интеллектуальной элиты более трех столетий. «Имплантация» — пример внимательного всматривания в культурный опыт великих европейских наций, уважительного отношения к чужим достижениям, педантичности в выписывании деталей панорамной картины истории гуманитарного знания. В некотором смысле генеалогия историко-филологических наук во Франции — это не только галерея почтенных предков, но и сообщество пишущих на разных языках в разных странах исследователей. К этому сообществу принадлежит и автор «Имплантации» — книги, которой по праву может гордиться современная российская гуманитаристика.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов С. Л.* Имплантация : очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.
- Курилович И. С.* Французское неогегельянство : Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля — Гуссерля — Хайдеггера. — М. : РГГУ, 2019.
- Ларошфуко Ф.* Мемуары. Максимы / под ред. А. С. Бобовича ; пер. с фр. Э. Л. Линецкой. — Л. : Наука, 1971.
- Ренан Э.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. Будущее науки : Мысли 1848 года / пер. с фр., под ред. В. Н. Михайлова. — Киев : Изд. Б.К. Фукса, 1902-1903.
- Bloch M.* Un tempérament : Georg von Below // Annales d'histoire économique et sociale. — 1931. — Т. 3, n° 12. — P. 553-559.
- Digeon C.* La crise allemande de la pensée française, 1870-1914. — Paris : Presses universitaires de France, 1992.
- Espagne M.* En deçà du Rhin : L'Allemagne des philosophes français au XIXe siècle. — Paris : Cerf, 2005.
- Fris V.* Félix Wodzak, Die Schlacht bei Kortryk : Inaugural-Dissertation. Berlin, 1905, 95 Pages // Revue de l'instruction publique en Belgique. — 1906. — Т. 49. — P. 242-246.
- Gusdorf G.* Introduction aux sciences humaines : essai critique sur leurs origines et leur développement. — Paris : Les Belles Lettres, 1960.
- Journet R., Robert G.* Mots et dictionnaires (1798-1878). — Paris : Les Belles Lettres, 1970.
- Krstić R. V.* Transplantation, Implantation, and Explantation // General Histology of the Mammal : An Atlas for Students of Medicine and Biology / trans. from the German by S. Forster. — Heidelberg : Springer, 1985. — P. 6.
- Mélonio F.* De la démocratie en Europe : les voyages d'Alexis de Tocqueville en Rhénanie // Der Rhein : Le Rhin im deutsch-französischen Perspektivenwechsel—

- Regards croisés franco-allemands / W. Jung, M. Lichtlé. — Göttingen : V&R Unipress, 2018. — P. 79–94.
- Pastor E.* Der Einfluss des Deutschen auf den französischen Wortschatz im 19 Jahrhundert : Ein Stück deutsch-französischer Sprach- und Kulturgeschichte // *Equivalences*. — 1980. — Jg. 11, Nr. 2/3. — S. 17–30.
- Paul H.* The Scholarly Self : Ideals of Intellectual Virtue in Nineteenth-Century Leiden // *The Making of the Humanities : From Early Modern to Modern Disciplines* / R. Bod, J. Maat, T. Weststeijn. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2012. — P. 397–411.
- Picavet F.* Les idéologues : essai sur l'histoire des idées et des théories scientifiques, philosophiques, religieuses, etc. en France depuis 1799. — Paris : Félix Alcan, 1891.
- Reynaud P.* L'influence allemande en France au XVIIIe et au XIXe siècle. — Paris : Hachette, 1922.
- Richard de Radonvilliers J.-B.* Enrichissement de la langue Française : Dictionnaire de mots nouveaux. — Paris : Pilout, 1842.
- Richard de Radonvilliers J.-B.* Enrichissement de la langue Française : Dictionnaire de mots nouveaux. — Paris : Pilout, 1845.
- Turner J.* *Philology : The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. — Princeton : Princeton University Press, 2014.

Dementev, I. O. 2020. "Istoki velikoy gumanitarnoy nauki [Origin of the Great Human Science]: razmyshleniya nad knigoy Sergeya Kozlova [Reflections on the Book by Sergey Kozlov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 230–249.

ILYA DEMENTEV

ASSOCIATE PROFESSOR

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA)

; ORCID: 0000-0001-5530-1108

ORIGIN OF THE GREAT HUMAN SCIENCE

REFLECTIONS ON THE BOOK BY SERGEY KOZLOV

KOZLOV, S. L. 2020. *IMPLANTATSIIYA [IMPLANTATION]: OCHERKI GENEALOGII ISTORIKO-FILOLOGICHESKOGO ZNANIYA VO FRANTSII [STUDIES IN GENEALOGY OF THE HISTORICAL AND PHILOLOGICAL KNOWLEDGE IN FRANCE]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: NOVOYE LITERATURNNOYE OBOZRENIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-230-249.

REFERENCES

- Bloch, M. 1931. "Un tempérament: Georg von Below" [in French]. *Annales d'histoire économique et sociale* 3 (12): 553–559.

- Digeon, S. 1992. *La crise allemande de la pensée française, 1870–1914* [in French]. Paris: Presses universitaires de France.
- Espagne, M. 2005. *En deçà du Rhin: L'Allemagne des philosophes français au XIXe siècle* [in French]. Paris: Cerf.
- Fris, V. 1906. "Félix Wodzak, Die Schlacht bei Kortryk: Inaugural-Dissertation. Berlin, 1905, 95 Pages" [in French]. *Revue de l'instruction publique en Belgique* 49:242–246.
- Gusdorf, G. 1960. *Introduction aux sciences humaines: essai critique sur leurs origines et leur développement* [in French]. Paris: Les Belles Lettres.
- Journet, R., and G. Robert. 1970. *Mots et dictionnaires (1798–1878)* [in French]. Paris: Les Belles Lettres.
- Kozlov, S. L. 2020. *Implantatsiya [Implantation]: ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniya vo Frantsii [Studies in Genealogy of the Historical and Philological Knowledge in France]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Krstić, R. V. 1985. "Transplantation, Implantation, and Explantation." In *General Histology of the Mammal [Die Gewebe des Menschen und der Säugetiere] : An Atlas for Students of Medicine and Biology [Ein Atlas zum Studium für Mediziner und Biologen]*, trans. from the German by S. Forster, 6. Heidelberg: Springer.
- Kurilovich, I. S. 2019. *Frantsuzskoye neogegel'yanstvo [French Neo-Hegelianism]: Zh. Val', A. Koyre, A. Kozhev i Zh. Ippolit v poiskakh yedinoy fenomenologii Gegelya — Guserliya — Khaydeggera [J. Wahl, A. Koyré, A. Kojève and J. Hyppolite in Search of a Unified Phenomenology of Hegel — Husserl — Heidegger]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RGGU.
- La Rochefoucauld, F. 1971. *Memuary. Maksimy [Memoirs. Maxims]* [in Russian]. Ed. by A. S. Bobovich. Trans. from the French by E. L. Linetskaya. Leningrad: Nauka.
- Mélonio, F. 2018. "De la démocratie en Europe: les voyages d'Alexis de Tocqueville en Rhénanie" [in French]. In *Der Rhein : Le Rhin im deutsch-französischen Perspektivenwechsel — Regards croisés franco-allemands*, by W. Jung and M. Lichtlé, 79–94. Göttingen: V&R Unipress.
- Pastor, E. 1980. "Der Einfluss des Deutschen auf den französischen Wortschatz im 19 Jahrhundert: Ein Stück deutsch-französischer Sprach-und Kulturgeschichte" [in German]. *Equivalences* 11 (2–3): 17–30.
- Paul, H. 2012. "The Scholarly Self: Ideals of Intellectual Virtue in Nineteenth-Century Leiden." In *The Making of the Humanities : From Early Modern to Modern Disciplines*, by R. Bod, J. Maat, and T. Weststeijn, 397–411. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Picavet, F. 1891. *Les idéologues: essai sur l'histoire des idées et des théories scientifiques, philosophiques, religieuses, etc. en France depuis 1799* [in French]. Paris: Félix Alcan.
- Renan, E. *Budushcheye nauki [L'Avenir de la science]: Mysli 1848 goda [Pensées de 1848]* [in Russian]. Vol. 1 of *Cobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. and trans. from the French by V. N. Mikhaylov. 12 vols. Kiyev [Kiev]: Izd. B.K. Fuksa.
- Reynaud, P. 1922. *L'influence allemande en France au XVIIIe et au XIXe siècle* [in French]. Paris: Hachette.
- Richard de Radonvilliers, J.-B. 1842. *Enrichissement de la langue Française: Dictionnaire de mots nouveaux* [in French]. Paris: Pilout.
- . 1845. *Enrichissement de la langue Française: Dictionnaire de mots nouveaux* [in French]. Paris: Pilout.
- Turner, J. 2014. *Philology: The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. Princeton: Princeton University Press.